

МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Уже в начале 1990-х годов на арене социальных наук возникла дискуссия о влиянии институтов современного национального государства (национальной миграционной политики, институтов демократии и права, государственных систем образования, здравоохранения и социального обеспечения) на миграцию. Новый подход предлагал рассматривать миграционные процессы в терминах социальных взаимоотношений (фигураций, по формулировке Норберта Элиаса), структура которых принципиально зависит от устройства политических и институциональных границ принимающего сообщества. Предлагалось сместить акценты с исследования культурных и индивидуальных особенностей мигрантов, якобы ограничивающих их возможности интегрироваться в принимающее общество, на роль социальных институтов, (вос)производящих неравные правила игры для старожилов и новых участников. Утверждение центральной роли национальных государств в структурировании миграционных процессов стало основанием нового подхода в миграционных исследованиях.

Проведенный в мае 2002 г. Центром изучения Европы и Германии и Центром независимых социологических исследований семинар «Миграция и национальное государство» представлял собой диалог между представителями научных сообществ двух стран – России и Германии – о преимуществах и недостатках представленного выше подхода. Настоящий сборник является результатом этого обсуждения. Подбором статей для данного сборника управляло наше желание представить относительно новую критическую перспективу в исследованиях миграции.

Как в германской, так и в российской общественной науке критический подход к изучению роли национального государства в структурировании миграции до сих пор занимает маргинальную позицию. В Германии до конца 1990-х годов господствовала парадигма социальной интеграции, фокусирующая внимание на проблемах, вызванных, как считалось, «оседанием» мигрантов в низших слоях общества и их культурным отличием от коренного населения. Только недавно односторонность интеграционного подхода, его некритическое отношение к процессам вытеснения мигрантов на периферию общества подверглись критике¹. В России же до сих пор доминирует представление о миграции как угрозе экономической, социальной, демографической и т. п. безопасности. Однако и в российской дискуссии снова и снова звучат голоса исследователей, призывающих отказаться от воспроизводства «моральной паники» и обратиться к изучению основополагающих принципов и следствий политического регулирования миграции, административных практик обхождения с мигрантами, условий возникновения публичной и повседневной ксенофобии и т. д.²

Так или иначе, все авторы, тексты которых собраны в данном сборнике, рассматривают миграцию как структуру социальных взаимоотношений, сложившихся в поле институтов национального государства. Все они уделяют большое внимание последствиям «государственного конструирования реальности», отражающимся в жизни мигрантов, социальной структуре и идеологии принимающих сообществ. В то же время существуют особенности подходов, определивших разделение сборника на три части.

В первой главе – «Миграционная политика: исключение чужих?» – рассматривается нормированная в праве и закреплённая административными практиками миграционная политика России и Германии и ее исключительные эффекты. Начинается глава статьей Александра Осипова,

¹ Парадигмальной стала работа Андреаса Виммера, привнесшего в дискуссию понятие «методологического национализма». См. новую версию в: Wimmer A. and Schiller N. G. Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology // International Migration Review. 2003. XXXVII (3): P. 576–611.

² См., например, Вынужденные мигранты и государство / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998 или Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской and А. Малащенко. М.: Московский центр Карнеги, 1999 и др.

задающегося вопросом «Что в России означает «регулирование миграции?»» Поиски ответа на этот вопрос автор начинает со сравнительного анализа «ельцинской» (1990-х гг.) и «путинской» (начала 2000-х гг.) миграционной политики и обосновывает мысль об ошибочности популярной оценки «путинского» периода как этапа нормализации. В ходе анализа трансформаций миграционной политики 1990-2000-х годов автор приходит к выводу о принципиальном отличии российского и западных образцов обращения с миграцией. Российская миграционная политика «в целом не подчинена задачам законодательного и институционального определения сообщества граждан и легальных постоянных жителей страны. <...> Реальная направленность скорее противоположна – это искусственное создание больших групп людей вне правового поля». В этом смысле «путинская» миграционная политика лишь усугубила ситуацию. Если в 1990-х годах возникла категория мигрантов (бывшие граждане СССР, не получившие иного гражданства, и граждане СНГ) юридически легальных, но фактически нелегалов, то в 2000-х бесправие этой категории людей на территории России было законодательно закреплено. Для многих из них оказались принципиально закрыты возможности легализовать свое положение. Таким образом, процедуры «нормализации» миграционной политики, «регулирования миграции» предстают как процесс закрепления статуса «нелегала» и институционализации соответствующих миграционных проблем. Задаваясь вопросом о наиболее значимых государственных институтах, ответственных за воспроизводство политики исключения, автор предлагает искать их не столько в «этноцентричности» российской концепции гражданства, сколько в эффектах функционирования паспортной системы.

Статья Татьяны Бараулиной и Юргена Фельдхоффа интерпретирует новый законопроект о миграции в ФРГ. По мнению авторов, Западная Германия, в силу особенностей становления ее политической системы после второй мировой войны, относится к типу государств, практикующих «организационное лицемерие» в обхождении с миграцией. Ее миграционная политика до начала 1990-х годов руководствовалась противоречивыми принципами. С одной стороны, действовало гражданское право, основанное на концепции единого этнического происхождения, то есть включающее/исключающее по критериям национальности. С другой стороны, мигранты, по разным каналам попадавшие на территорию страны, на основании административных и судебных решений фактически наделялись большинством гражданских прав. Таким образом, параллельно с национальным реализовался территориальный принцип включения в сообщество. Новый законопроект о миграции должен был разрешить противоречие между национальным и территориальными критериями допуска мигрантов к правам. Анализируя основные положения проекта, авторы приходят к выводу, что эта цель не была достигнута. Несмотря на то, что на уровне риторики законопроект переопределяет Германию в терминах принимающего, открытого для миграции государства, его регулятивный уровень делает легальное поселение мигрантов и поиск ими работы практически невозможными. Авторы заключают, что система организационного лицемерия в обхождении с миграцией оказалась сильнее, чем ожидалось. Причину ее живучести авторы видят в роли, которую эта система играет в государствах, пытающихся удержать ресурсы власти в контексте глобального капитализма.

Во второй главе книги – «Следствия государственного определения своих и чужих: институциональное и дискурсивное исключение мигрантов» – собраны работы, анализирующие содержание элитного дискурса о миграции (пресса и академический дискурс) и роль религиозности как практики, обеспечивающей включение мигрантов в сообщество граждан. Социальные институты, такие как обычное право или религия, так же, как и публичный дискурс, утверждают авторы представленных в этой части работ, инкорпорируют и воспроизводят выработанные государством правила обхождения с мигрантами. Таким образом, они как бы создают социальные условия, в которых та или иная миграционная политика может быть сформулирована и реализована. Политические решения выстраиваются вокруг публичных способов говорения о миграции и институционализированных практик обращения с мигрантами. Возможность реальных изменений этих практик зависит не столько от принимаемых политических решений, сколько от изменений в повседневно практикуемых простыми людьми и особенно государственным служащими способами мыслить миграцию. Политические решения, игнорирующие сложившийся миграционный дискурс и навыки обращения с миграцией, теряют свою практическую действенность, становятся декларацией намерений и имеют, в лучшем случае, символическое значение. Такова судьба многих

международных правовых норм, которые при переносе в российскую реальность оказываются лишь благими пожеланиями.

В статье Владимира Малахова обсуждаются различные аспекты феномена, обозначенного термином *этнизация миграции* (т. е. осмысление миграции в этнических категориях). Этнизация миграции в России обусловлена, по мнению автора, в первую очередь, этноцентризмом публичного дискурса: разделяемой многими верой в абсолютную ценность этнических классификаций для описания и объяснения социальной реальности. Эта вера укоренена в советских традициях описания «этносов» как «биосоциальных организмов» и субъектов истории. Этнизирующий язык используется федеральными и региональными элитами, этническими активистами и значительной частью академического сообщества. Среди «этнизирующих» миграцию институциональных факторов особо выделяется институт прописки (регистрации). Сравнивая миграционный дискурс в России и Германии, автор делает вывод о схожести стран в использовании этнической концепции нации. Однако он подчеркивает и различие в тенденциях. Новое законодательство Германии смягчает существовавшие прежде ограничения по «этническому признаку». В российском же законодательстве закрепляется этноцентричный идеал нации как сообщества происхождения, которое не считает нужным пополнять свой состав за счет миграции.

Оксана Карпенко в своей статье предлагает объяснение того парадоксального факта, что даже демократически настроенная общественность поддерживает и производит антимигрантский дискурс, представляет мигрантов в образе потенциально/реально опасной группы населения. Исходя из предпосылки, что именно средства массовой информации служат центральным звеном в процессе тиражирования и нормализации антимигрантских настроений, автор в эмпирической части статьи концентрирует внимание на анализе языка прессы. Автор утверждает, что основополагающим критерием принадлежности к «своим» доминирующий миграционный дискурс выставляет своеобразный «ценз оседлости». Он базируется на представлении о социальной принадлежности как принадлежности месту, укорененности в локальном сообществе города, села, района. Мигранты в этом смысле оторваны от корней, они – «не местные», «приезжие». Отсюда и ключевая метафора, используемая прессой, – метафора дома, хозяев и гостей. Последние должны подчиняться установленным в доме правилам и соблюдать приличия при высказывании своих нужд и претензий хозяевам. Метафора дома как бы выводит отношения миграции из сферы публичного контракта и превращает их в моральные отношения, определяемые правилами приличного поведения и личной приязни, находящиеся за пределами юридически нормированных правил публичного взаимодействия. Этим метафора дома оправдывает повседневные практики дискриминации, противоправные действия администраций, антимиграционную политическую риторику. Анализируя процессы этнизации миграции, автор приходит к выводу о дополнительности антимигрантского и этнического дискурсов. Антимигрантский дискурс оперирует условностями, якобы разделяемыми членами сообщества хозяев (и гостей) неформальными правилами взаимодействия. В свою очередь, этнический принцип категоризации оказывается удобным и наиболее популярным способом приписывания сообществам «исконных» традиций, обычаев и т.п.

Владимир Ильин исследует изменения религиозности мигрантов и их отношения к институту церкви. На основании анализа глубинных биографических интервью с «российскими немцами» в городах Билефельд, Гамбург и Франкфурт-на-Майне, проведенных в период с 1998 по 2002 гг., автор утверждает, что религиозность так называемых «этнических немцев», во-первых, конструируется в административном процессе определения их этничности. Этничность российских немцев – это главный инструмент, обеспечивший их право на переселение в Германию и получение немецкого гражданства. Принадлежность к какой-то из «немецких церквей», с точки зрения иммиграционных норм ФРГ, является одним из официальных маркеров «правильной» этничности подающих заявление на эмиграцию. Во-вторых, религиозность и после переселения определяет траекторию интеграции мигрантов. С одной стороны, набожность, консервативное следование религиозным нормам конструируют социальную границу между русскими немцами и другими прихожанами в этаблированных церквях. С другой стороны, автоматическое приписывание граждан Германии к той или иной поддерживаемой государством церкви открывает возможности пользования этим институциональным ресурсом. Для многих церковь становится одним из главных посредников в поиске доступа к социальному участию на новом месте. В-третьих, религиозность может служить стратегии маргинализации, оправдания особой позиции в новом обществе. Таким образом можно

объяснить активное участие русских немцев в так называемых сектах – слабо этаблированных религиозных сообществах. Принадлежность к «закрытым» церквям наделяет мигрантов особыми ресурсами – неформальной поддержкой и признанием, включает их в социальные сети, доступ к которым в противном случае оставался бы для них навсегда закрытым.

Последняя глава сборника – «Государство в мире без границ: новые формы участия и исключения?» – характеризуется принципиально отличным от двух предыдущих глав взглядом на социальные механизмы, устанавливающие правила доступа мигрантов к социальному участию, общественным благам и публичному признанию. Если в первой и второй частях сборника национальное государство является как бы единственной меркой оценки структурирующих миграцию механизмов, то в последней оно само помещается в контекст глобальных социальных изменений, становится объектом исследования. Вместе со смещением исследовательского интереса изменяется и имплицитно приписываемое национальному государству значение. Если в первых двух частях оно представлено как единственный властный регулятор включения/исключения мигрантов, то в последней национальное государство, наоборот, теряет как минимум часть своей власти. В мире без границ от национального государства ускользают возможности определения социальной принадлежности. Представленные в этой части сборника статьи предлагают собственную теоретическую интерпретацию организации социальной принадлежности в современных обществах.

Маркус Кайзер и Ольга Бредникова знакомят читателя с концепциями транснационализма. Транснационализм описывает новый феномен социальной интеграции, не локализованной в пространстве, то есть не привязанной к «месту». Сообщества мигрантов, чьи социальные связи и солидарности преодолевают территориальные границы, стали поэтому парадигмальным случаем для новой социологической концепции. Транснационализм предлагает рассматривать миграцию как процесс расширения пространства деятельности акторов, а не как простое перемещение из одного места в другое. Одной из перспектив транснационализма стали исследования государственных границ в роли генератора транснациональных социальных пространств. Обращается внимание и на процесс транснационализации локального – виртуализации эмоциональной связанности с местом, традицией и ритуалом – и вводится понятие транслокальности. Авторы подчеркивают, что концепция транснационализма особо четко описывает процессы размывания политических, институциональных и символических границ национальных государств в процессе глобализации. Авторы убеждены, что включение основных понятий транснационализма в базовые постулаты социальной теории прояснит и теоретическое значение новых плюролокальных социальных отношений, будут переопределены понятия пространства и национального государства.

В то время как статья О. Бредниковой и М. Кайзера отстаивала новизну «транснационального» подхода в исследованиях миграции, одной из целей работы Михаэля Боммеса является его критика. Соглашаясь с наблюдением транснационалистов о плюрализации коллективных форм этнической/национальной идентичности в современных обществах, автор, однако, отвергает делающий на основании этого наблюдения вывод о размывании политических, институциональных и символических границ национальных государств. В свою очередь, он предлагает на суд читателя тезис об изменении государственных механизмов производства солидарности и лояльности граждан. Деление на своих и чужих в современных европейских государствах, утверждает он, происходит не на основании этничности, национальности и культуры, а на основании социальной благонадежности и успеха на рынке труда. Именно поэтому национальная принадлежность, а вместе с ней и этничность утратили часть своего политического и юридического значения. Не «нация», а «достойные граждане» – вот категория, которой оперирует государство в настоящее время. «Честные налогоплательщики» становятся ядром населения, на которое направлена государственная опека и политическая риторика. Социально слабым, малоимущим, выброшенным из базисных социальных систем государство предпочитает игнорировать. В рамках остаточных социальных фондов им обеспечивается минимальный уровень жизни в обмен на законопослушание. Следуя этой аргументации, мигранты принадлежат как к «ядру», так и к «периферии» населения в странах приема. Транснационалисты и мультикультуралисты (один из смежных транснационализму подходов в описании культурного плюрализма современных обществ) недооценили значение государства в определении социальной принадлежности. Они стали описывать реакцию социально слабых мигрантов на социальное исключение как новый постнациональный феномен. Не принадлежащие к ядру мигранты, в отличие от местных социальных изгоев, действительно имеют

особые ресурсы повышения собственного статуса. Это ресурсы социального капитала, миграционные сети, оплетающие страны происхождения и приема. Ориентация мигрантов на самоподдержку приводит к тому, что на территориях национальных государств появляются социальные сообщества, которые не стремятся ассимилироваться. Но несмотря на такую дерегуляцию коллективных форм идентичностей, государство все же остается центральным институтом, определяющим условия социального участия.

Вопрос о трансформации национальных государств ставит и Олаф Радтке. Он замечает, что, несмотря на возрождение неолиберальной идеологии, миграционная политика либеральных демократий остается консервативной, нацеленной на сокращение миграционных потоков и исключение мигрантов. Объяснение неоконсерватизма миграционной политики в Европе автор находит в структурных проблемах расширенного социального государства. В противоречие друг с другом входят идеологические основания социального государства и его реальные возможности. С одной стороны, целью социального государства остается компенсация экономического неравенства и обеспечение равенства возможностей. С другой стороны, привычные средства корректировки рынков труда и потребления – основ воспроизводства неравенства – становятся недоступны: рабочие места и предприятия, пополнявшиеся многие годы мигрантами, переносятся из Европы в регионы мира с более выгодной системой налогообложения и дешевой рабочей силой; «прозрачные границы», дерегуляция экономики выводят из-под государственного контроля системы трудовых тарифов и ценообразования. Социальные государства, утерьявшие свои прежние ресурсы, стоят перед проблемой выбора между политическим и финансовым банкротством. Автор приходит к выводу, что одним из решений этой дилеммы становится символическое исключение «чужих» – не граждан, мигрантов. Несмотря на фактическую неспособность социального государства гарантировать своим гражданам прежний уровень благосостояния и социальное равенство, обещание привилегированного статуса для своих в какой-то степени самореализуется. Оно становится основой институциональной дискриминации мигрантов.

Мы надеемся, что статьи, составляющие настоящий сборник, позволят сделать некоторые выводы о преимуществах и недостатках авторских подходов к изучению национального государства и миграционных процессов. Одновременно с этим мы подчеркиваем селективность представленного в них взгляда. Однако именно такая избирательность авторов должна послужить толчком к возникновению новых интерпретаций исследуемых в сборнике феноменов. Она должна стать поводом к постановке новых, более точно сформулированных, более провокационных вопросов. Из критического должен родиться теоретический взгляд на роль национального государства в структурировании миграционных процессов.

В заключение мы хотели бы поблагодарить организаторов и участников конференции «Миграции и национальное государство», авторов статей и в особенности всех тех, кто помогал нам в работе над созданием сборника. Мы благодарим переводчиков – Ольгу Бредникову, Владимира Ильина, Марию Кудрявцеву, Екатерину Таратуту, работавших вместе с нами над прояснением для российской аудитории идей германских участников проекта. Знакомство англоязычных читателей с основными тезисами статей было бы невозможно без работы Дитера Кервера и Андрея Ханжина. Особую роль в создании книги сыграла Марина Ильина. Несмотря на хаотичный процесс организации деятельности разъединенных национальными границами редакторов, своим терпением, чувством стиля и профессиональным опытом она превратила сборник в продукт, приемлемый для чтения и печати. И, конечно, особая благодарность Центру изучения Европы и Германии, без финансовой поддержки которого ни семинар, ни данный сборник были бы невозможны.